

Аллочка и Фальконе

Натан появился в жизни Аллочки в девяносто третьем, когда на полки магазинов только-только вернулась колбаса, а вместо синей птицы стали торговать жирными американскими окорочками, прозванными в народе «ножки Буша».

В день святого Валентина к Аллочке подошёл незнакомец — вылитый Челентано — и подарил три красные гвоздики. Может, и не самые роскошные, но до этого ей цветов никто не дарил, если не считать восьмое марта, когда начальница мимозы вручала, а вот так, по-настоящему, чтобы красивый мужчина да на улице — впервые. Как-то раз, правда, незнакомый парень отдал цветы, которые его девушка в него же и кинула. Парочка возле кинотеатра разругалась, девица с гонором оказалась — хрясть ухажёра букетом по лицу и ушла. Гордая, дескать. Парень тот букетик с затоптанного снега поднял и Аллочке передарил. Просто так, потому что рядом стояла. Понятное дело, подарком она это не считала, но сидеть в зале кинотеатра с цветами было приятно. Нежные, как цыплячий пух, жёлтые хризантемы украшали колени, а она воображала, как все вокруг на неё смотрели и думали: муж-то, наверно, из руководящих будет. Важная шишка — цветы подарил, а самого, видать, на службу вызвали.

Пунцовые гвоздики от «Челентано» выглядели скромнее, чем пышные хризантемы, зато предназначались только ей. Цветы революции, ветеранский букетик, хмыкнула сослуживица Ольга. Аллочка возразила, нисколько не обидевшись, что всегда любила гвоздики. А чего обижаться, если счастье само пришло? Крепкое, словно молодой дубок, с широкой грудью, поросшей колечками. Звали счастье Натаном. Образованный. Красавец и по мужской части умелец, к тому же поэт.

Мужчины в жизни Аллочки случались и раньше, но не такие шикарные и замуж никто не звал. Приходили, уходили, жили за её счёт, потом исчезали. Не то, чтобы Аллочка им это в упрёк ставила (скупой никогда не была) — просто констатировала факт. А в чём их упрекать? Внешние данные свои Аллочка оценивала адекватно, как говорится, не Джина Лоллобриджида, а от совместного — пусть и недолгого — проживания удовольствие ведь обоюдное получалось. При всей своей худосочности Аллочка была натурой страстной и мечтательной.

Опять стихи для меня написал, сообщила она подругам на работе. Расскажи, требовали те, но Аллочка отнекивалась, ссылаясь на интимность виршей. Похабные, что ли, хихикали подруги, предвкушая пикантные подробности. Не-е, лиричные очень, он знает какой (Аллочка задумчиво подбирала нужное слово) чувствительный и ужас какой талантливый. Готовит к выпуску сборник в московском издательстве. Забыла в каком, да разве в названии дело? Главное, что

в московском, а это ж известность какая. На всю страну. Страшно подумать. Аллочка мечтательно улыбалась и роняла невзначай, что первую книжку Натусик обещал ей посвятить.

А ведь и правду про баб говорят: не родись красивой, а родись счастливой, вздыхали подруги, но Аллочка на них не обижалась. Дурой никогда не была и понимала — завидовали ей. Мысль эта приятно возбуждала — для женской сущности чужая зависть всё равно что допинг.

Чувствовала себя Аллочка в такие моменты фигуристкой на высшей ступеньке пьедестала — как в сладких грёзах из деревенского детства. Поможет после школы матери по хозяйству, забьётся в угол дивана, обхватит озябшими пальчиками стакан с чаем и не сводит глаз с чёрно-белого экрана «Горизонта». Всех принцесс льда в ту пору по именам знала: и Водорезову, и Моисееву, но Родниной особенно завидовала. Вон на какую высоту взлетела. Молча завидовала, догадывалась, что сказка о Золушке не про неё. Смотрит, бывало, телевизор и себя в нём видит: в коротеньком платьице, взметнувшемся на лихом повороте, ненароком выглянувших трусиках. Плевать, что не красавица, зато внимание всего зала, да что зала — всей страны к ней приковано! Знала, что некрасива, но мечтать ведь никто не запрещал, только внутри такая горечь, будто полынной настойки наглоталась. Неизвестно ещё кто бы сейчас на пьедестале стоял, если бы Аллочке случилось родиться в столице, а Родниной — в забытой богом Мараморочке.

Сразу после школы Аллочка перебралась из деревни в город, поселившись у отцовой сестры. В строительный техникум по конкурсу не прошла. Тётка устроила на работу — перекантоваться годик до следующих вступительных — уборщицей при ЗАГСе. Через месяц Аллочке предложили место ушедшей в декрет сотрудницы по регистрации смертей и рождений. Со временем доросла до специалиста третьей категории. Выше не поднялась из-за нехватки образования. Поступать в техникум больше не пыталась. А зачем? Работа ей нравилась — живая и всегда с людьми. Да и времена такие были: каждый за своё место обеими руками держался. Отдельной однокомнатной квартирой обеспечила тоже тётка — после скоропостижной кончины от рака. Объявила Аллочку в завещании единственной наследницей.

С появлением Натусика жизнь Аллочки обрела новый смысл. Домой неслась, как на крыльях. По дороге на рынок заскочит, по магазинам пробежится — вкусенького прикупит. Наготовит праздничных блюд по поварской книге, что осталась от тётки. Нежнейший паштетик из куриной печёнки с грибочками, горошинами сливочного масла украшенный — любимое блюдо Натусика — или фаршированные грибной икрой яйца под соусом, или заливную рыбу с зелёным горошком. И хрен со сметаной. Заливное без хрена — вовсе не заливное. Наготовит и осторожно — на цыпочках — с подноском под дверь кабинета. Прислушается, как Натусик рифмы подбирает, пальцем, как мышка, поскребётся, подождёт, когда любимый разрешит войти, чтобы Музу не спугнуть. К Музе этой, по совести говоря, она сильно ревновала. Смешно, конечно, чувства проявлять к невидимому предмету, но Аллочка дурой не была — Муза могла носить другое имя. Аллочка исходила ревностью, представляя, как любимый в закрытом кабинете

вдохновляется воображаемой Музой. Единственную в квартире комнату Натусик называл кабинетом. Аллочка не возражала — кабинет так кабинет, хотя предпочла бы там сделать спальню с широченной кроватью, как в итальянском кино. Старую тёткину койку они выкинули, вместо неё купили раскладной диван. В кабинете он гармоничней смотрелся.

Пока любимый творил, вдохновляемый загадочной Музой, Аллочка катала банки с соленьями. Помидорки по особому рецепту. Огурчики малосольные. Рыжики солёные. Варенье варила из всего, что варится: и ягодное, и фруктовое, даже из лепестков роз. Прочитала как-то в «Работнице», что в Болгарии такое едят, ну и ободрала вечером все розы на кустах в городском саду, благо, что никто не застучал. Варенье получилось так себе — водица сахарная — есть нечего, зато изысканно, а Натусик любил всё изысканное.

— В человеке всё должно быть прекрасно, — однажды ночью сообщил Натусик.

— Конечно, милый, — прошептала Аллочка, покрывая поцелуями шерстяной торс своего сокровища.

— И лицо, и одежда, и душа, и мысли, и фамилия, — продолжал любимый.

— А что у нас с фамилией не так? — проворковала Аллочка.

И Натусик поведал печальную историю своего рождения: как через семнадцать лет после войны в семье бедного портного Фальковского появился мальчик; как он с детства мечтал о самолётах; как прошёл медицинскую комиссию на лётчика, но в последний момент его забраковали из-за фамилии, а летать так хотелось!

Аллочка слушала со сложным чувством любви и отчаяния. По щеке скользнула слеза. В её семье евреев не любили. За что? Она не знала, да и мать с отцом объяснить эту нелюбовь не могли. И соседи тоже не любили. И никто вокруг. Не любили — и всё.

— Тем, кто поумнее нас будет, лучше известно, за что, — буркнул как-то отец на вопрос маленькой Аллочки. Походил по избе, сказал что-то про всемирный заговор масонов и неуверенно добавил: «А ещё они Кирова убили».

Аллочка смотрела на своего Челентано, посланного ей провидением в день Святого Валентина, и вспоминала старый советский фильм «Сорок первый». Там, красноармейская девушка полюбила белогвардейского офицера. Офицер — весь такой синеглазый красавчик. Правда, конец в фильме печальный. Во имя революционной идеи девушка застрелила любимого. Аллочка так никогда бы не поступила. Любовь для неё была выше всякой идеи.

Натусик увидел расстроенное личико любимой и, смахнув с него слёзы, сказал, что он вовсе не еврейской национальности, а польской. Это было неожиданно, но от сердца отлегло. В Аллочкиной категории национальных ценностей поляки стояли выше евреев. Европа, как-никак. Она погрузила пальчики в смоляные кудри любимого и задумалась.

— А ведь поляки блондины, Натусик? Нет?

— Верно. В основном, они славянской внешности, но, честно говоря, я и не поляк.

— Не понимаю я тебя, Натусик, — всхлипнула Аллочка.

— Во мне течёт французская кровь, — признался Натан. Соскочил с дивана, закрутил простыню вокруг бёдер и стал стремительно перемещаться по комнате —

из угла в угол. Потом взобрался на стул, поднял руку со сжатым кулаком, как Ленин на броневике, и сказал:

— Перед вами, сударыня, потомок Фальконе. Да-да, того самого, не удивляйтесь. Натусик долго вглядывался в лицо Аллочки, чего-то ожидая, но она забилась в угол дивана, предполагая наихудший вариант из области психиатрии. Пришлось проводить культурно-просветительскую работу. Про статую царя Петра Великого с конём Аллочка, конечно, слышала. И про поэму «Медный всадник» тоже знала — Пушкина в школе изучали — но фамилию скульптора забыла. И бывает же такое на свете: Натусик оказался потомком того самого Фальконе из Франции, которого царица Екатерина в Россию пригласила на работу. А тот, пока памятник царю ваял, увлёкся девицами, особенно одной — графской дочерью. Любовь между ними завязалась, а где любовь, там и дети. Когда разгневанные граф и царица узнали про ребёнка, то отправили младенца в приёмную семью к полякам и записали его на польский лад. Так потомки Фальконе превратились в Фальковских.

— А ты и французский знаешь?

— Свободно не говорю, но немного владею: шерше ля фа, пардон, мерси, бонжур, же ву пле. Объясниться смогу, — заверил любимый и неожиданно загрузил. Стал печальным, как осенний дождик — руки под голову, глаза в потолок. Аллочка его еле разговорила.

— Не хотел тебя, дорогая, расстраивать, но чувствую, зарубят мой сборник. Всё к тому идёт. Неспроста ведь выпуск отложили. Говорили мне, что главный редактор у них антисемит. С моей фамилией точно не пропустит.

Что-то больно кольнуло в сердце Аллочки: наверное, укор совести, будто она заодно с тем главным редактором, и впервые в жизни ей стало стыдно за свою нелюбовь к евреям.

— Что же делать, милый?

— Менять фамилию. Другого пути не вижу.

— Хочешь взять мою?

— Был бы счастлив, родная, но, ты представь себе — на обложке книги Натан Сидоркин. Не поэтично как-то. Необходим звучный, запоминающийся псевдоним. Аллочка совсем запуталась. Приоткрыв рот, она молча прослушала лекцию о важности псевдонима в литературной судьбе художника слова.

— Я хочу исправить ошибку истории и вернуть нашим детям то, — Натусик с нежностью поглядел на Аллочку и повторил, — нашим детям то, что принадлежит им по праву — великую фамилию предка. Я хочу, чтобы наш сын носил фамилию Фальконе, а при такой фамилии псевдоним не нужен.

Аллочка живо представила у своей груди, набухшей от молока, маленького черноглазого Фальконе и задохнулась от счастья.

— Как его звали?

— Кого?

— Француза твоего. Предка.

— Этьен Морис, кажется, — зевнул Натусик.

— Этьенчиком и назовём, — прошептала она, — а если девочка родится, то Сюзанкой.

Наутро Аллочка занялась оформлением документов. Формально для смены фамилии нужна весомая причина. Чаще всего меняли фамилии женщины. При заключении брака брали мужнину или возвращали девичью при разводе. Иногда так поступали и мужчины, но очень редко. На памяти Аллочки ни разу. Подростки при получении паспорта меняли часто, но не фамилии, а дурацкие имена на нормальные или модные. Пункт «возвращение фамилии предков» не подходил из-за отсутствия у Натусика документов, подтверждающих родство с французским скульптором, а вот по пункту «неблагозвучие» — пожалуйста. Здесь всё от вкуса зависит: одному звучно, другому — не очень. Через неделю Аллочка преподнесла жениху новенький паспорт с чётко пропечатанным экзотичным Ф.И.О. — Фальконе Анатолий Аверьянович. Не Анатолий, а Анатоль, чтобы уж всё, как положено — по-французски. Подарок любимому к свадьбе. Теперь её Натусик мог лететь куда угодно.

Свадьбы, как принято, с приглашением родственников, соседей и сослуживцев не было. И платья белого не было, и куклы на капоте тоже, но кольцами обменялись, иначе бы вся церемония регистрации в ритуальном зале нарушилась, да и перед коллегами неудобно. Золотое колечко пятьсот восемьдесят третьей пробы украсило безымянный пальчик Аллочки. Днём расписались, а вечером вдвоём посидели в ресторане. Жених убедил невесту, что свадьбу лучше сыграть в Москве, сразу как обустроятся. С морем шампанского, с кабриолетом, с гостями солидными. А как же? На новом месте нужные знакомства понадобятся. Москва деньги любит.

В девяносто третьем жильё мало строили и квартира в центре города влёт ушла. За пару дней оформили продажу. Натусик срочно вылетел в Москву — заключать договор с издательством. Сборник его стихов редактор-антисемит не зарубил, в чём Аллочка ощущала и свою заслугу тоже. Деньги за квартиру, полученные наличкой, муж увёз с собой для приобретения московской жилплощади и прописки. Аллочка сняла комнату в частном секторе и села ждать вызова в Москву.